

Кому кого чему учить

Как-то, лет восемь тому назад, в Бостоне случилось мне быть участником международной конференции по правам человека. Были там в основном американские советологи и политические эмигранты из СССР. Некоторые из эмигрантов, выступая перед аборигенами, учили их, как жить, ссылаясь на свой печальный исторический и личный опыт. Поучения в основном сводились к тому, что американцы перед лицом советской экспансии ведут себя крайне беспечно и злоупотребляют свободой, которая досталась им по наследству.

Выступив на той конференции, я предположил, что американцы, очевидно, умеют решать свои дела без отказа от демократии, и нам надо не учить их, а самим кое-чему у них поучиться.

В перерыве конференции ко мне подошел один из участников и спросил: «А почему вы думаете, что я, например, не имею права их учить?» «А чему вы можете их научить?» — поинтересовался я. «Я могу научить их многому, у меня большой жизненный опыт. Я 17 лет провел в лагере». — «Вы хотите научить их, как жить в лагере?» — «Нет, я хочу научить их, как избежать лагеря». — «Но вы ведь лагеря не избежали? Как же вы можете научить их тому, чему сами не научились?»

Давно замечено, что чем больше человек любит учить, тем меньше любит учиться. К советским людям (в том числе и к советским с приставкой «анти») это относится больше, чем к кому бы то ни было.

Уча Запад тому и сему, советские люди с порога отвергают встречные поползновения. «Не вам нас учить» — эту гордую фразу западные политики, экономисты, ученые, военные и писатели много раз слышали от своих советских партнеров.

Два года тому назад среди отвергнутых «ихних» учителей оказался и я. Я тогда приехал в СССР впервые после долгого отсутствия. Выступая там и сям, я рассказывал, где побывал, что видел и какие соображения извлек из увиденного. Публика, с которой мне приходилось встречаться, принимала меня, в

общем, благожелательно. А коллеги писатели — по-разному. Одни отметили мой приезд враждебно. Другие — с ограниченным дружелюбием. Один из этих других написал, что он не против того, чтобы такие типы, как я, приезжали сюда и даже, куда ни шло, печатались, но *нам*, заметил он между прочим, смешны *их* попытки учить нас жить.

Прочтя такое, я, честно говоря, несколько удивился: а что тут смешного? Я лично никогда не соблазнялся миссией учителя, но все же, проведя 10 лет там, где люди живут по законам здравого смысла, нет-нет да и порываюсь сказать: братцы, да почему же вы так живете?

Я давно уже заслужил репутацию злостного антисоветчика, поэтому не надо мне говорить про то, в чем виноваты партия, правительство или система, но вы-то (мы-то) разве не виноваты ни в чем?

Вчера я ехал на «леваке». Водитель рассказывал о шофере из их автопарка, который 16 лет назад уехал в Америку и, видно, там помешался. Был человек как человек, а теперь приехал, пришел в гараж: ребята, говорит, пить вредно, курить вредно, в машине надо пассажира пристегивать и самому пристегиваться. Рассказывая о своем обамериканившемся друге, водитель громко смеялся, а я в ответ улыбаясь натужно, потому что был не пристегнут. И упирался ногами в пол, и вытаскивал вперед руки, и вцеплялся в держалку над боковым стеклом, когда водитель, огибая выбоины, кидал свой «Москвич» то влево, то вправо или резко тормозил перед заглухшим внезапно грузовиком. Водитель мне, еще когда я сиделся, сказал «накиньте», и я накинул ремень на плечо, чтобы обмануть милиционеров, которые стояли на перекрестках по одному, по два и по четыре (наверное, потому постольку, чтобы сразу как можно большее их количество обмануть).

Там, где я пребывал 10 лет, люди ездят на машинах с исправными тормозами, по ровным дорогам без ям, с четкой разметкой, с ограждениями и «мигалками» на поврежденных участках.

Владимир ВОЙНОВИЧ,
писатель

И всегда все до единого человека пристегиваются. Каждый знает, что у пристегнутого в случае чего намного больше шансов остаться живым, а может быть, и не калекой. А здесь вот не припомню и случая, чтобы кто-нибудь хоть раз предложил мне не «накинуть», а пристегнуться. И я, стеснясь изображать из себя немца или американца, которому его жизнь для чего-то еще нужна, «накидываю». Хотя бывает довольно страшно.

Во всех странах за пределами нашего отечества машины в ночное время даже по хорошо освещенным улицам или днем в пасмурную погоду ездят с ближним светом фар. В Швеции с фарами ездят даже при ярком солнце, так, говорят, машина больше обращает на себя внимание. А здесь при наших колдобинах, ямах, неогражденных открытых колодцах, оставленных на проезжей части асфальтовых катках, лихие шоферы везут непривязанных нас на «лысых» шинах, резко виляя впотымах и нажимая на тормоза, которые не держат.

Заметьте, я никого ничему не учу. Но если вы хотите знать, почему у *них* дела идут хорошо, а у *нас* совсем наоборот, следует обратить внимание на то, что у *них* никто не держит четырех полицейских на пустом месте, где нет потребности ни в одном.

У *них* там почти все поголовно пристегиваются, а многие даже бросают пить и курить, ибо знают, что человеческая жизнь во всех смыслах (в самом прямом смысле тоже) стоит исключительно дорого. И ее берегут не для того, чтобы обмануть полицейского.